

Научная статья

УДК 101.1

<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.3>

Имидж науки в эпоху постнеклассической рациональности

Александр Иванович Панюков

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия,
apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4299>

Аннотация. Статья посвящена некоторым аспектам понимания имиджа науки и научной коммуникации, а также философии как науки в эпоху постнеклассической рациональности. Представлены отдельные позиции методологов науки, политических деятелей и философов, репрезентирующих миссии научного знания и научной коммуникации. Обращается внимание на характерные для эпохи постнеклассической рациональности направления развития, связанные с созданием специфического имиджа научного знания. Прослеживается тенденция дифференцирования собственно академического содержания научной коммуникации от содержания, ориентированного на псевдонаучные возможности репутационной передачи информации. Подчеркивается, что массовый и фейковый характер научной коммуникации актуализируют имиджевые и брендинговые задачи во взаимодействии науки и повседневности. В качестве перспективных тенденций развития научной коммуникации и философии в эпоху цифровизации определяются персонализация и уход от массовости.

Ключевые слова: наука, постнеклассическая рациональность, научная коммуникация, брендинг науки, имидж науки, имидж философии, массовая наука, персонализация философии

Для цитирования: Панюков А.И. Имидж науки в эпоху постнеклассической рациональности // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 25–29. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.3>.

Original article

Image of science in the post-non-classical rationality era

Alexander I. Panyukov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
apanukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4299>

Abstract. The article is devoted to some aspects of understanding the image of science and scientific communication and philosophy, as well as a science in the era of post-non-classical rationality. Selected positions of scientific methodologists, policy makers and philosophers representing the missions of scientific knowledge and science communication are presented. Attention is drawn to the development trends characteristic of the post-non-classical rationality era, associated with the creation of a specific image of scientific knowledge. There is a tendency to differentiate the academic content of science communication proper from content oriented towards pseudoscientific opportunities for the reputational transmission of information. It is emphasized that the mass and fake nature of scientific communication actualizes image and branding tasks in the interaction of science and everyday life. Personalization and a move away from the masses are identified as promising trends in science communication and philosophy in the digital age.

Keywords: science, post-non-classical rationality, science communication, science branding, science image, philosophy image, mass science, philosophy personification

For citation: Panyukov, A.I. (2022) Image of science in the post-non-classical rationality era. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 25–29. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.3](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.3) (In Russian).

Постнеклассическая рациональность – особый этап в истории современной науки. Как правило, специалисты для его обозначения используют слово «эпоха». Конечно, между этапом и эпохой есть существенное различие, но мы, как и другие философы (Лебедев, 2014), все же склонны использовать термин «эпоха постнеклассической рациональности». Функционально это словосочетание более удобно и определено.

К числу основных характеристик постнеклассической науки относится, в частности, плюрализация знания и инновационность, что предполагает определенную специфику интерпретации ценностно-смысловых аспектов научной коммуникации. Инструментально такой подход обеспечивает набор самых широких мировоззренческих характеристик постнеклассической рациональности.

Транзит понятий «этап» и «эпоха» дает прекрасную возможность для исторического экскурса. Эпоха, между прочим, сочетает иногда несочетаемое – различные способы научной коммуникации, разнообразные виды имиджологического проектирования стратегий науки, различные варианты репутационного менеджмента науки, конкурирующие научные школы. Эпоха постнеклассической рациональности удваивает, утраивает, удесятеряет несочетаемое в пространстве науки. Вот пример. В структуре психологической науки недавно появился новый раздел – христианская психология. Некоторые, правда, утверждают, что это раздел психологического знания. Но, как известно, «хрен редьки не слаще». Конечно, это метафора, но научная психология всегда ориентировалась на данные эксперимента (даже с учетом описательной и объяснительной психологии), а христианская психология – на некоторое умолчание. Наличие души не доказано, но и не опровергнуто. Все это «разнообразие» очень напоминает историю, рассказанную известным популяризатором науки Энн Руни в книге «История биологии»: «В 1533 г. католическая церковь потребовала провести аутопсию сросшихся близнецов Жоаны и Мельхиоры Баллестеро, чтобы понять, две ли у них души или одна на двоих. Аутопсия показала наличие двух сердец, и на основании этого в соответствии с утверждением Эмпедокла о том, что душа помещается в сердце, было сделано заключение, что у близнецов две отдельные души» (Руни, 2017).

Сегодня в XXI веке в эпоху постнеклассической рациональности методологическая ситуация не усложняется, а значительно упрощается. Зачастую доминирует примитивная эклектика. Субъект как главный герой постнеклассической рациональности дистанцируется от объекта познания на такое гносеологически недопустимое расстояние, что уже сам становится источником знания. Способы научной коммуникации постнеклассической рациональности, таким образом, качественно отличаются от способов научной коммуникации классической и неклассической рациональности. Они ориентированы на брендинг, репутационный менеджмент, имиджологическое проектирование в науке. Коммуникативные ресурсы науки уже определяются не внутренним ее содержанием, а внешними факторами социального пространства. Научные школы выражают не столько реальные достижения в познании, сколько эффективность бюрократической организации. Компетенция и авторитет ученого подтверждаются бенефисами и привилегиями. Идет всеобщий поиск не смыслов, а грантов и так называемых эффективных контрактов.

В эпоху постнеклассического рационализма коммуникативные возможности и ресурсы науки и научных школ ограничены обязательными регламентационными протоколами. Речь идет о научной коммуникации, которая, по словам академика В.С. Степина, ориентируется, во-первых, на знание запретов, а во-вторых, – на идеалы ценностно нейтральных исследований (Степин, 2016: 50). Подобная трансгенная ситуация оформилась в научной практике в самостоятельное методологическое событие в конце прошлого века. Если быть точнее, то речь идет о последней четверти XX века и первых двух десятилетиях XXI века. Правила процедурного оформления процесса научной коммуникации становятся предметом широкого обсуждения в среде академической общности. Тонны журнальных публикаций и многочисленные конференции, манифесты и декларации – все это напоминает известные события середины 50-х годов XX-го века, но тогда обсуждали возможности интенсификации стратегических исследований, а в начале XXI века рассматривается актуальность ухода от нее в пользу интеграции научного знания.

В 2001 году в главном академическом философском справочнике Российской Федерации «Новая философская энциклопедия» зафиксировано следующее определение коммуникации – «совокупность видов профессионального общения в научном сообществе, один из главных механизмов взаимодействия исследователей и экспертизы полученных результатов, необходимое условие развития науки»¹. Это толкование устанавливает репрезентативные параметры коммуникации в науке. Во-первых, это совокупность видов профессионального общения. Во-вторых, механизм взаимодействия исследователей. В-третьих, экспертиза полученных результатов. В-четвертых, многообразие функций научной коммуникации фиксирует ее конструктивное состояние. Напомним, что в «Малой советской энциклопедии» 1930 года издания значение коммуникации как явления передано одним словом – «сообщение»². Авторы этой дефиниции были предельно лаконичны. Определение, предложенное в «Новой философской энциклопедии» 2001 года издания, является, безусловно, более актуальным, репрезентативным, а значит, рабочим. Его можно рассматривать и как методологическую единицу, и как мировоззренческую платформу для дискуссий и обсуждений. Между прочим, формат нашего текста напрямую согласуется с ним, а тезисы данной дефиниции фактически являются планом нашей статьи.

Главное событие сегодняшнего времени – выход научной коммуникации за пределы профессионального общения и превращение репрезентации научного знания в научно-популярный

¹ Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 281.

² Малая советская энциклопедия : в 10 т. М., 1929. Т. 4. С. 104.

формат. Наличие в пространстве науки таких коммуникационных событий, как брендинг науки, репутационный менеджмент науки и имиджологическое проектирование, свидетельствует об утрате научной коммуникацией профессионального статуса. Наука, как и в эпоху Возрождения, во многом становится делом любопытствующих энтузиастов. Вспомним известную книгу Джордано Бруно «О героическом энтузиазме» (Бруно, 2020). Правда, нужно отметить, что сегодня эти «любопытствующие энтузиасты» иногда имеют дипломы высшего образования, кандидатские и докторские степени, но от этого ситуация выглядит еще более «кислой». В науку ринулись «мошенники» и «проходимцы» – «зиц-председатели», «шуры балагановы», «молочные братья лейтенанта Шмидта». Академическое мошенничество приобретает всемирный характер. Различного рода фальсификации, искусные мистификации и подделки, наконец, «неистребимая гидра плагиата» – признаки современного состояния науки.

В России все начинается в 1935 году. Во время посещения Советского Союза Майклом Полани состоялась его беседа с Н.И. Бухариным. Если верить оставшимся свидетельствам, обсуждалось не только развитие тяжелой промышленности в СССР и совершенствование работы наркомата тяжелой промышленности, но и специальные теоретические и методологические вопросы науки. Майкл Полани прочитал несколько лекций членам коллегии наркомата. Он был с визитом в Академии наук СССР. Н.И. Бухарин как председатель Комиссии истории знаний АН СССР профессионально интересовался миссией науки в современном мире, и беседа с Майклом Полани была для него важным событием. Их встреча и сегодня остается определенным этапом в истории российской науки.

Развитие досоветской науки, включая XIX век, Н.И. Бухарин представлял лишь предысторией появления настоящего научного знания, которое человеческое общество сможет приобрести лишь в обществе будущего (Бухарин, 1988).

С XVII века наука остается единственным эффективным механизмом производства знания. Она должна работать как фабрика, как завод или как городской комбинат питания. Наука должна производить готовые продукты и полуфабрикаты, оказывать разнообразные услуги, в том числе медицинские и образовательные. Однако она стала подразделением планового хозяйства, превратилась в инструмент государственной политики, в служанку государства; находится не только на содержании государства, но и активно обслуживает интересы партийных идеологов. XX век показал, что метафизический разрыв философии и науки, который случился в XVI веке, невозможно преодолеть.

В «Философской энциклопедии» 1964 года издания читаем: «Как общественные, так и естественные науки призваны сыграть большую роль не только в деле создания материально-технической базы коммунизма, но и в идеологическом воспитании советского человека, в выработке у него научного мировоззрения. Исключительно большую роль призвана играть наука в борьбе против реакционной буржуазной идеологии...»¹.

В отличие от науки философия способна обслуживать государство только при условии ее всеобщей идеологизации. Однако она противится данной тенденции. Аутентичный философ не хочет быть идеологом. Он не способен быть чиновником. Уместно напомнить и известную статью В.И. Ленина «О значении воинствующего материализма», вышедшую в 1922 году в журнале «Под знаменем марксизма» (1922, № 3). Она стала манифестом коммунистической идеологии и получила много сочувственных откликов. В этой статье В.И. Ленин объяснил читающей публике, каким должен быть ученый-коммунист. Некоторые абзацы статьи и сегодня вызывают искренний восторг. Ленин пишет о «мишуре европейской науки», о «дипломированных лакеях поповщины», о «ложных претензиях философии на беспартийность», а главное, он пишет о том, что философия исторически выполняла и продолжает выполнять идеологическую функцию (Ленин, 1990). Если внимательно прочитать ленинские строки, становится понятно, что философия, которая не переходит в идеологию, остается всего лишь философией. И по большому счету она никому не интересна, кроме собственно философа. Философия – лишь частное дело философа и его личная судьба. От себя заметим, что когда философия превращается, а вернее, когда ее превращают, в идеологию, коей она не должна, не может и не хочет быть, происходят вещи поразительные. Некоторые профессора «философии» еще сегодня вспоминают, как было хорошо и комфортно работать на кафедрах марксистско-ленинской философии. Минимальная нагрузка, почет и уважение, грамоты, чествования и подарки. Но «ночевала» ли на этих кафедрах философия? Члены кафедры марксистско-ленинской философии фактически были внештатными сотрудниками партийной администрации. Прав М.К. Мамардашвили, который в эпоху перестройки призвал изъять философию из образовательной программы высших учебных заведений: «Природа

¹ Философская энциклопедия : в 5 т. М., 1964. Т. 3. С. 568.

философии такова, что невозможно (и более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой систему знаний, которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их» (Мамардашвили, 1992: 14). Призыв остается актуальным. Причины известны. Во времена М.К. Мамардашвили кафедры марксистско-ленинской философии занимались идеологической обработкой студентов. Сегодня преподаватели предпринимают не очень удачные попытки читать студентам просветительские курсы, как правило, по истории философии, что, безусловно, не может заменить собственно философское знание, превратившееся в XXI веке в иллюзию «1000 и 1 ночи Шахерезады». Философ из идеолога трансформируется в вечно сказочника, а предмет его научных изысканий подменили легендами древнего, средневекового, нового и новейшего времени. Известный тезис К. Маркса о том, что мир нужно не столько объяснять, сколько менять, для многих потерял сегодня привлекательность. Парадокс заключается в том, что человечество сегодня не только не требует изменений, но и не стремится к объяснению сюжетов своего существования. Мир должен быть таким, каким человек хотел бы его принять и полюбить. Пусть он будет «фэйком». Между прочим, это важнейший постулат постнеклассической рациональности. Наука и философия этой эпохи не способны эффективно взаимодействовать. Специализированные формы философского знания, например, философия науки, философия математики, философия техники или философия природы все же остаются сугубо философскими дисциплинами. Математики, экономисты, юристы, инженеры, биологи, генетики, различные историки и прочие ученые без почтения, а иногда и с пренебрежением относятся к претензиям философии на научность. Философ не самый популярный и удобный человек в научном пространстве. «Фэйковый» способ коммуникации в эпоху постнеклассической рациональности актуализирует идеологические и псевдонаучные возможности брендовой и репутационной передачи информации. А это значит, что философия и как инструмент познания, и как способ критического мышления представляет уже некую опасность для текущей жизни.

Отторжение философии от повседневности, очередное возвращение человечества к метафизике и религии привело в конечном итоге к формированию цифровой цивилизации. Так называемая четвертая промышленная революция должна изменить и усовершенствовать человека и в целом человечество. Человек должен стать комбинированным продуктом (25 % – живая материя, 25 % – пластик, 25 % – живая ткань мозга, 25 % – электронные ресурсы). Он будет управлять собственным телом и мозгом при помощи личного телефона, который, возможно, купит в МТС или Билайне. Извечная мечта человечества осуществляется – нас ожидает цифровое бессмертие. Философский камень обретен, и это – философия цифры. Цифроцентризм – новый исторический тип мировоззрения. Клаус Шваб книгу «Четвертая промышленная революция» начинает следующими словами: «Из множества разнообразных увлекательных задач, стоящих перед современным обществом, наиболее важной и впечатляющей является осознание и формирование новой технологической революции, которая предусматривает как минимум преобразование человечества. Мы стоим у истоков революции, которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества...» (Шваб, 2021: 9).

Метафизический разрыв философии и науки невозможно преодолеть. Наука обслуживает идеологию, философия не способна к таким головокружительным метаморфозам. Философия, как и религия, должна оставить человека в покое. Эта старая позитивистская мечта обосновывалась известной мыслью К. Маркса. В «Немецкой идеологии» (1845) К. Маркс и Ф. Энгельс цитировали Мозиса Гесса, который полагал, что «...нужно оставить философию в стороне, нужно выпрыгнуть из нее и в качестве обыкновенного человека взяться за изучение действительности». От себя К. Маркс и Ф. Энгельс добавили, что «...философия и изучение действительности относятся к друг другу как онанизм и половая любовь» (Маркс, Энгельс, 1988).

«Мифология – мировоззрение первобытного строя, религия – мировоззрение феодального строя, философия – мировоззрение буржуазного строя, наука – мировоззрение современного мира», – утверждал Н.И. Бухарин на чрезвычайной сессии Академии наук СССР в докладе «Борьба двух миров и задачи науки» (1931). Учитывая перечисленные обстоятельства, докладчик сделал вывод, что фабричная организация науки все же предполагает индивидуальный стиль – облик, облик – лицо работника-ученого, но стиль, лицо, облик становятся также продуктом промышленного производства (Бухарин, 1988: 9–10). Комплектацией и подготовкой этого продукта занимается имиджелогия. Можно утверждать, что Н.И. Бухарин был первым в СССР и России, кто стал профессионально заниматься проблемами научной коммуникации.

Имиджелогическое проектирование и моделирование постнеклассической коммуникации так или иначе определяется всем предыдущим развитием различных способов научной коммуникации. Сегодня, как и в эпоху Возрождения, наука должна персонифицироваться и уйти от массовости, а образование должно стать мягким и удобным для всех его участников, но, конечно, все эти условия предполагают самую серьезную познавательную и эвристическую работу, получение профессиональной квалификации и счастливое обретение знаний. В качестве собственного взгляда на решение представленной в настоящей статье проблемы сформулируем тезис о важной миссии академических и образовательных институтов и предназначении научной коммуникации, суть которых, по нашему мнению, состоит в актуализации установки субъекта на транзитивность, незавершенность и открытость в интерпретации происходящего в научном дискурсе. Повестка дня на XXI век сформулирована еще в эпоху первых европейских университетов – радость познания. Переход от информационной к цифровой цивилизации – важнейший этап обретения полноты и радости познания в истории современного человечества.

Список источников:

- Бруно Д. О героическом энтузиазме. М., 2020. 412 с.
Бухарин Н.И. Этюды. М., 1988. 360 с.
Лебедев С.А. Философия научного познания: основные концепции. М., 2014. 272 с.
Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 30–36.
Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. 415 с.
Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1988. 574 с.
Руни Э. История биологии. М., 2017. 208 с.
Степин В.С. Историко-научные реконструкции: плюрализм и кумулятивная преемственность в развитии научного знания // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 5–14.
Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2021. 208 с.

References:

- Bruno, D. (2020) *O geroicheskom entuziazme* [The Heroic Enthusiasts]. Moscow. 412 p. (in Russian).
Bukharin, N. I. (1988) *Etyudy* [Essays]. Moscow. 360 p. (in Russian).
Lebedev, S. A. (2014) *Filosofiya nauchnogo poznaniya: osnovnye kontseptsii* [Philosophy of Scientific Knowledge: Basic Concepts]. Moscow. 272 p. (in Russian).
Lenin, V. I. (1990) O znachenii voinstvuyushchego materializma [On the Significance of Militant Materialism]. In: *Na pere-lome. Filosofskie diskussii 20-kh godov*. Moscow, pp. 30–36 (in Russian).
Mamardashvili, M. (1992) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How Do I Understand Philosophy]. Moscow. 415 p. (in Russian).
Marks, K. & Engels, F. (1988) *Nemetskaya ideologiya* [German Ideology]. Moscow. 574 p.
Runi, E. (2017) *Istoriya biologii* [History of Biology]. Moscow. 208 p. (in Russian).
Shvab, K. (2021) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow. 208 p. (in Russian).
Stepin, V. S. (2016) Historical-Scientific Reconstruction: Pluralism and Cumulative Continuity in the Development of Scientific Knowledge. *Voprosy filosofii*. (6), 5–14 (in Russian).

Информация об авторе

А.И. Панюков – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия.

Information about the author

A.I. Panyukov – D.Phil., Professor, Professor of the Philosophy Department, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 09.02.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.03.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.